

ОТ КАЛЬВИНА ДО ФРЕЙДА: ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ХОДЕ ПСИХОАНАЛИЗА*

МАРИАНЕ ЛЕЙЦИНГЕР-БОЛЕБЕР и ХОРСТ КЭХЕЛЕ

Есть старая шутка насчет того, что пока не научишь другого, не поймешь сам. Вот ее новая версия: не поймешь, пока в компьютер не заложишь.

Ренделл Девис

ВВЕДЕНИЕ

Можно ли себе представить две более разные вещи, чем компьютер и пациент?

«Знаете ли, почему-то я подумала опять о счете и об оплате. (Вы не должны мне предъявлять счет.) М-м-м... я думала, что мне (не надо бы от вас получать счета) хорошо бы вас спросить, как вы бы отнеслись к тому, чтобы не предъявлять мне счета. То есть, я обычно к (к концу месяца и так знаю, сколько там набежало), то есть, я сразу же подумала, что можно против этого возразить, но я бы предложила, что я буду просто сама подсчитывать количество часов и давать вам в конце месяца чек» (*Clippinger, 1977, p.146*).

Вы, наверное, не поверите, но это не дословный протокол психоаналитического сеанса, а текст, сочиненный компьютерной программой, которую написал Клиппингер. И в самом деле, текст, полученный с помощью этой программы, почти не отличается от отрывка из того реального психоаналитического сеанса, который Клиппингер изначально использовал для концептуализации вероятных когнитивных

* Перевод выполнен Инфо-центром психотерапевтических исследований (Москва) по оригиналу: *Marianne Leuzinger-Bohleber and Horst Kaechele. From Calvin to Freud: Using an Artificial intelligence Model to investigate Cognitive Changes during Psychoanalysis.*

процессов у пациентки, которые могли протекать в ее «черном ящике» и привести к подобной вербализации.

Тот факт, что программа выдала такой текст, может служить доказательством того, что когнитивная теория, на которой программа основывалась, является адекватной моделью для большей части действующих в данном случае когнитивных процессов. Техника компьютерной симуляции с целью проверки теорий (в данном случае психологических) – одна из прикладных областей быстро развивающейся науки об искусственном интеллекте (ИИ).

С нашей точки зрения, такой подход к проверке сложных психологических теорий может быть полезен и для психоанализа. Модели, выводимые из теорий ИИ, отчасти оттого, что они проверяются методом компьютерной симуляции, весьма точны, последовательны и терминологически ясны. Кроме того, они в гораздо большей степени, чем психоаналитические концепции, учитывают современные данные других дисциплин, например, нейрофизиологии, исследований мозга и структур памяти. В этом одна из причин, по которым мы обратились к теории когнитивных процессов на основе моделей компьютерной симуляции для исследования этих процессов у психоаналитических пациентов. При эмпирическом изучении психоаналитических процессов заимствование модели ИИ также должно помочь избежать опасностей «круговой поруки», то есть использования психоаналитической модели для подтверждения самой себя.

Теория когнитивных процессов Клиппингера показалась нам убедительной, так как она точно так же, как структурная теория психоанализа, включает понятие конфликтных процессов, протекающих внутри «черного ящика». То есть она концептуализирует когнитивные процессы как определяемые взаимодействием отдельных когнитивных модулей. Процессы (программы), идущие в одном модуле, могут дополнять, изменять или тормозить те, что идут в другом модуле. Кроме всего прочего, это приводит к формированию характерных структур во взаимодействии различных модулей и специфичных способов восприятия и переработки информации.

В данном исследовании мы воспользовались моделью Клиппингера в модифицированной форме, определив шесть модулей (рис. 1). Эти модули служат выполнению следующих задач:

МОЦАРТ определяет, что будет услышано.

КАЛЬВИН представляет Сверх-Я и ценности пациента, действуя как цензор.

МАКИАВЕЛЛИ развивает стратегии решения задач.

ЦИЦЕРОН переводит познаваемое в словесную форму.

МАРКС воспринимает реальность и проверяет согласованность с ней.

ФРЕЙД осуществляет самонаблюдение и другие специфические функции Я.

Стрелками показаны пути, коммуникации между когнитивными модулями.

Рис. 1

Взаимодействие когнитивных модулей

Психоаналитическое понятие Оно как источник бессознательной мотивации в этой модели эксплицитно не представлено. Клиппингер включает концепцию мотивации в свое последовательное представление когнитивных процессов, однако применение этой схемы здесь увело бы нас слишком далеко в сторону. Для подробного ознакомления с действием этой модели отсылаем читателя к работе самого

Клиппингера (*Clippinger, 1977*). Тем не менее, очевидно, что бессознательная мотивация в конечном счете проявляется в когнитивных процессах, и в протоколах того, что высказывают пациенты на кушетке, мы изучаем именно ее проявления.

ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью нашего эмпирического исследования было описать и проанализировать изменения в когнитивных процессах решения задач у пяти пациентов, проходящих долговременный курс психоанализа. Мы исследовали, как изменяется способ описания пациентами их снов во время аналитических сеансов. Мы сконцентрировались на этом вопросе потому, что одна из основных целей психоанализа – это превращение бессознательных конфликтов в сознательные, что является предпосылкой достижения внешних целей: способности работать, любить и наслаждаться жизнью. Пациентам нужно научиться распознавать бессознательные конфликты, чтобы последние не мешали удовлетворению желаний и исполнению долга. Предполагается, что данная форма психотерапии развивает особые стратегии решения проблем, связанных с бессознательными конфликтами.

Поэтому одной из основных задач нашего исследования стала разработка критериев успешности психоаналитического лечения через когнитивные процессы решения проблем. Эти когнитивные процессы мы анализировали в связи с интерпретацией сновидений потому, что это хороший пример взаимодействия пациента с бессознательным материалом – своими снами.

Мы приводим здесь очень краткий обзор некоторых результатов

данного проекта. На первом этапе нашей работы мы выдвинули некоторые гипотезы на основе одного случая пациента-трансовестита (*Leuzinger-Bohleber, 1987*). Исследовались ассоциации пациента к сновидениям на основе его дневниковых записей во время первых ста и последних ста его психоаналитических сеансов. На втором этапе мы проверяли нашу гипотезу, воспользовавшись еще четырьмя психоаналитическими случаями из Ульмского текст-банка. Используя два вида теоретически ориентированного контент-анализа, мы сравнивали у каждого пациента рассказы о сновидениях, взятые из первых ста и последних ста аналитических сеансов.

Необходимо заметить, что в последующем тексте мы используем очень широкое определение когнитивных процессов. Мы понимаем их как внутренние процессы восприятия и переработки информации, которые всегда связаны с физиологическими и эмоциональными процессами и не могут изучаться отдельно от них (*Pfeifer, Leuzinger-Bohleber, 1986*).

МЕТОДЫ

В качестве методов мы использовали теоретически ориентированный контент-анализ с помощью комплексных оценок и компьютеризованные виды контент-анализа.

Инструменты для проверки наших гипотез мы взяли из модели Клиппингера. Они состояли из 1) компьютеризованных видов контент-анализа и 2) оценок протоколов сеансов и письменных отчетов пациентов о сновидениях специально подготовленными судьями. В исследовании участвовали два «наивных» судьи и два «эксперта» (психоаналитика). Судьям объяснялась наша модель когнитивных процессов. Произведя несколько пробных оценок, они ознакомились с типом оцениваемого материала. Процесс обучения был длительным, но в конце концов мы добились достаточной согласованности оценок. Судьи оценивали в случайном порядке избранные сеансы из ранних и поздних стадий лечения, содержащие сны и ассоциации к снам, включая интерпретации снов самими пациентами.

Следующие примеры протоколов взяты из одного раннего и одного позднего сеанса.

Сеанс 19.

Сначала я расскажу вам сон. Вот церковь – большая, современной архитектуры, у нее треугольные стены и большие окна. Даниела (возлюбленная) и я, и, кажется, ее родственники тоже, идем в церковь. Уже входя, я стал бояться, что эти родственники не сядут при входе. Мне было ясно, что на войне нужно заботиться о возможности быстрой эвакуации. В церкви была лестница, ведущая наверх, на второй этаж. Некоторые люди пошли по ней. К моему удовлетворению мы сели там, где я хотел. Кафедра для проповеди была похожа на деревянную клетку. Она качалась на веревках, подвешенная к потолку. Вдруг я услышал шум самолета, быстро выбежал из церкви и спрятался за стеной. Я знал,

что полной защиты нет, но хотя бы такое убежище. Потом я увидел, как самолеты бросают бомбы – очень четко – особенно бомбы. Я был как в кошмаре – так сильно я боялся.

Ассоциации. Церковь, ее треугольная форма напоминает мне Лионела Фейнингера, архитектора. Может быть, это еще похоже на знаменитую часовню Роншан Ле Корбюзье. Так как я сам интересуюсь архитектурой и рисую иногда, эта церковь очень меня привлекла.

Когда аналитик спросил меня более подробно, что именно меня заинтересовало, я сказал, что своды, крыша и тени, неровность стен и непрямоугольная форма.

Однажды я ходил с Даниелой в церковь. Так как она привыкла каждое воскресенье ходить в церковь, я думал, что хочу этим оправдать свои предрассудки. Но это оказались не предрассудки. Я почувствовал, что мое мнение подтвердилось, особенно в отношении католической церкви.

Бомбы: в детстве я делал много моделей – аэропланы, танки. У самолетов были и бомбы тоже, и я делал их особенно аккуратно. Лет восемь назад я еще очень интересовался военными механизмами. Особенно меня восхищало их техническое совершенство. Я был увлечен этим и как-то не представлял себе, сколько же несчастья и страданий несет людям этот технический мир. В фильмах про войну техническая сторона всегда преувеличивалась, а человеческая – преуменьшалась. Когда я сейчас думаю о том, как я к этому всему относился тогда, я содрогаюсь. Я понимаю, каким я был: этот интерес к технике не прошел, но все же я обнаружил эти противоречия и сейчас пытаюсь (с некоторым успехом) направить интерес в более человеческое русло. Все еще остается страх, что я буду вынужден в конце концов зарабатывать как технический специалист. Меня также беспокоит, что я могу скатиться на идеологизированный образ мыслей – вряд ли, но все же боюсь. Другая сторона этого понимания состоит в том, что я так много знаю теперь о технических новшествах. Может быть, я сам изобрету что-то новое с кучей противоречивых последствий. Когда мне было девять лет, я конструировал ракеты, это меня очень занимало. Как бы я развивался, если бы стал инженером в военной промышленности – ужасная мысль, а? Я интересовался всем этим не под влиянием родителей, кажется, этот интерес был связан с поиском чего-то простого, с моими проблемами, с обстоятельствами. Вот еще одно событие мне припоминается: ребенком я пошел с родителями покупать подарки к Рождеству. Я увидел танк и захотел его. Отец сказал: «Какая безобразная (может быть, он сказал опасная, но не сказал, жестокая) игрушка». Из моего детского конструктора я не мог построить танк, я построил свой первый танк в старших классах и очень им гордился.

Нет, я это еще как-то не переработал. Когда я представляю себе, что я дома один и вдруг врывается взломщик, я ставлю перед ним этот

маленький танк и чувствую, что могу по-настоящему выстрелить и ранить его. Похоже, я озабочен самозащитой, даже в фантазиях, перед невидимым противником, и сам я невидимый. Все это прямо или косвенно связано с бомбами, которые я так ясно видел во сне.

Сеанс 617.

У меня был сон: магазин, я стою у прилавка с чулками, но не могу ничего выбрать. Ухожу из магазина. У меня еще есть три четверти часа до начала аналитического сеанса. Тут сцена меняется. Я просыпаюсь и вижу, что пропустил сеанс. Я должен позвонить аналитику и сказать ей, а то она будет волноваться. Но что-то мне мешает это сделать. Однако, пропустив один сеанс, я не должен пропустить и второй. Он должен состояться в Х. Если я возьму велосипед, как раз успею. Я еду туда и вдруг оказываюсь на горной дороге, на ней трудно удержаться, трудно ехать. Ситуация пугающая. В маленькой хижине молодой человек с длинными волосами. Он должен как-то помочь с плохой дорогой. Времени уже мало, и хотя я вижу Х. на горизонте, я уже не успеваю. Я ужасно тревожусь, все тело ноет. Я смотрю, как этот чужак работает, и думаю, что нужно найти велосипед, который я где-то в горах потерял.

Ассоциации: Я не только до своего аналитика-женщины не могу добраться, я вообще ни до какой женщины не могу добраться. Я не могу по-настоящему открыться, я только притворяюсь, что еду в Х. Интересно, я ее предал? Может ли быть, что анализ из-за этого неуспешен? Во сне я пропустил два сеанса, наяву я ни одного не пропустил. Связано ли это со страхом, что меня больше не любят? Что же о мужчинах: хочу ли я наблюдать за ними и подражать им? Что это может быть? Вчера я понял, что имела в виду аналитик, когда сказала, что ощущается желание подражать другому человеку, но это очень трудно. Большая часть мужчин, которых я знаю, испытывает много трудностей, мало чему у них можно было бы подражать, по крайней мере, что касается моих технических способностей. Я всегда умел очень хорошо наблюдать и внимательно смотрел, как что действует. Однако есть области, где я не так хорошо могу наблюдать. Что означает Х.? Похоже, что я на пороге открытия какой-то новой части своих интересов – вчера я говорил с шефом о возможности поделить с кем-нибудь обязанности социального работника. Мне пришла в голову эта мысль несколько дней назад. Я даже ее обсуждал с приятелем, однако это уже не относится ко сну.

Так какие же гипотезы мы оцениваем?

От КАЛЬВИНА к ФРЕЙДУ

Одно из основных положений модели Клиппингера заключается в том, что когнитивные процессы определяются взаимодействием программ, действующих как внутри отдельных когнитивных модулей, так

и между ними. Соответственно, наша первая гипотеза состояла в том, что в дневниках (или дословных протоколах) ранних стадий психоанализа программы модуля КАЛЬВИН будут преобладать над программами модуля ФРЕЙД. Другими словами, интроспективные ассоциации пациента будут тормозиться под воздействием ригидной запрещающей структуры Сверх-Я. И наоборот – мы предположили, что модуль ФРЕЙД будет преобладать на сеансах в конце анализа в соответствии с большей «свободой» ассоциаций как одним из результатов анализа.

После прочтения ассоциативного материала к сновидениям (как в вышеприведенном примере) судей просили выразить свои впечатления относительно того, (а) находятся ли когнитивные процессы одного модуля под воздействием процессов другого модуля (1 по шкале); (б) действуют ли они беспрепятственно и не тормозятся ли процессами в других модулях (2 по шкале); (в) или они сами контролируют когнитивные процессы других модулей (3 по шкале).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Пациент 1

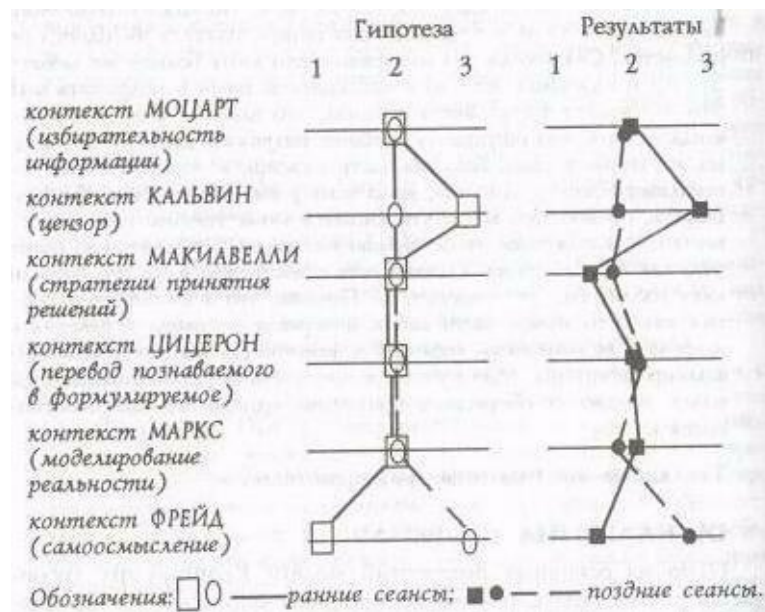

Рис. 2

Гипотеза и результаты: оценка взаимодействия когнитивных модулей

Результаты, показанные на рис. 2, подтвердили нашу гипотезу. К нашему удивлению, различие клинических результатов пяти анализов четко отразилось на соответствующих графиках. Пациенты 1 и 5 явным образом подтвердили нашу гипотезу. Пациенты 2 и 4 тоже подтвердили ее, но не столь очевидно, пациент 3 не показал ожидаемых изменений. Результаты психоанализа оценивались по 1) общим клиническим впечатлениям лечащих аналитиков, 2) суждению двух независимых аналитиков и 3) результатам нашего теоретически-ориентированного

компьютеризованного контент-анализа. Психоанализ пациентов 1 и 5 был оценен как «весьма успешный», пациентов 2 и 4 – как «умеренно успешный» и пациента 3 – как «неуспешный», хотя его лечение к этому времени еще не было завершено. Таким образом, общие клинические впечатления заострились, прояснились и скорректировались с помощью нашего эмпирического исследования.

Другие наши гипотезы фокусировались на изменениях в содержании программ, идущих в разных модулях. На рис. 3 дано несколько примеров из модуля ЦИЦЕРОН пациента 1.

1. Что Вы почувствовали относительно способа самовыражения анализируемого?

Его речь

ОбычнаяX.....O.....	Вычурная, особенная
ПростаяX.....O.....	Сложная
СвоеобразнаяXO...	Социально адаптированная
Прямая, простаяX.....O.....	Изощренная
Трудно читаетсяO.....X..	Легко читается
НеприятнаяO.....X	Приятная
ЭгоцентричнаяO.....X...	Коммуникативная

2. Как Вы оцениваете широту, разнообразие интерпретации сновидений?

узкое	...O.....X	широкое
-------	------------	---------

3. Табуированы ли некоторые темы в процессе последовательной интерпретации сновидений?

трудно заметить табуX.....O....	явные табу
----------------------	-----------------	------------

4. Есть ли указания в тексте на то, что пациент принимает во внимание то, кому говорятся его слова (обычно это аналитик)?

Трудно заметить	...O.....X.....	Явно заметно
-----------------	-----------------	--------------

5. Насколько «психоаналитичны» выражения пациента в «техническом» аспекте?

минимальноO.....X.....	явно
------------	------------------	------

в «интегрированном» смысловом аспекте?

минимальноO.....X...	явно
------------	-----------------	------

Обозначения: o – ранние сеансы; x – поздние сеансы.

Рис. 3

Оценки судей относительно модуля ЦИЦЕРОН

Необходимо отметить, что различные вопросы не независимы друг от друга. Целью этого этапа нашего исследования было выдвижение новых гипотез. Вопросы фокусируются на реальном или воображаемом

впечатлении, производимом дневниковыми записями на реального или воображаемого читателя – инструментальный язык по Бюлеру (1934). Это часть функции, относимой к модулю ЦИЦЕРОН.

Мы рассматриваем многие из этих результатов как указание на то, что речь в более поздних частях дневника приблизилась к задачам такого дневника – т.е. стала более простой, прямой и менее напыщенной. Речь в большей степени стала отвечать коммуникативной функции и ориентироваться на реального или воображаемого партнера – одна из причин того, почему она стала более легко читаемой и приятной для судей. Мы полагаем также, что обнаружили указания на то, что психоанализ расширил некоторые аспекты языковой компетентности и знание социальных отношений – т.е. расширил тематику, уменьшил объем табу в протоколах, повысил уровень активности, обогатил психоаналитические знания, научил в большей степени учитывать воздействие на партнера.

Обобщение по всем пяти пациентам

Изменения когнитивных процессов решения задач: взаимодействие когнитивных модулей

Когнитивные процессы решения проблем двух успешно анализирующихся пациентов в конце их анализа можно охарактеризовать как в высокой степени гибкие, широкие по когнитивному охвату, как опирающиеся на ассоциативный и «гештальтный» способ мышления и способность к функциональному и реалистичному решению задач. Разнородная информация может восприниматься и перерабатываться одновременно, что ведет к генерации и проверке конкурирующих противоречивых гипотез, которые модифицируют друг друга. Когнитивные диссонансы распознаются, обдумываются и, наряду со всем остальным, влияют на принятие решений.

Отрицательные аффекты несут важную функцию сигнализации о когнитивных процессах, на которые необходимо обратить внимание в процессе принятия решений. В рамках нашей модели мы обнаружили: 1) увеличение объема когнитивных и аффективных знаний, функционально используемых в различных модулях, 2) хорошо срабатывающие и лучше отвечающие реальности программы прерывания и 3) беспрепятственное взаимодействие когнитивных процессов в разных модулях. Два пациента, результаты лечения которых признаны удовлетворительными, показали те же тенденции, но не в такой явной форме. К данному моменту лечения у пациента, анализ которого оценен как неуспешный, описываемых изменений не обнаружилось.

Изменения внутри когнитивных модулей

1. МОЦАРТ: изменения в том, что услышано

Согласно мнению наших судей, в конце психоанализа у успешных пациентов были отмечены следующие изменения:

– был принят во внимание и когнитивно обработан большой объем

текста сновидений;

- принимался во внимание контекст сновидений;
- интервенции аналитика вошли составной частью в ассоциации пациента к сновидениям;
- пациенты более систематично развивали свои гипотезы относительно сновидений;
- процесс генерирования гипотез происходил легко, без особых колебаний;
- пациенты рассматривали более чем одну гипотезу о смысле сновидения.

В отдельном исследовании мы обнаружили следующие систематические изменения по трем размерностям явного содержания сновидения на основе модели Мозера (*Moser et al.*, 1980): выраженные отношения, атмосфера сна и решение проблем. В поздних по ходу анализа сновидениях успешных пациентов мы наблюдали:

Выражение отношения:

- сновидец выражает лучшее отношение как к своим объектам, так и к себе самому;
- диапазон взаимодействий в отношениях увеличился, к примеру, в поздних сновидениях пациент реже находился один и чаще общался с большим количеством людей;
- несмотря на то, что взаимоотношения чаще были нежными и дружелюбными, чем в ранних снах, к нашему удивлению, они редко оказывались нейтральными и нередко включали в себя конфликтность – указание для нас на расширение их диапазона.

Атмосфера снов:

- увеличилось разнообразие и интенсивность аффекта в явном содержании сновидений;
- атмосфера была более позитивной, выражалось меньше тревоги, однако проявлялись агрессия, грусть и страх; это шло вразрез с нашей гипотезой о том, что будут преобладать однозначно позитивные настроения.

Решение проблем:

- отмечено большее количество стратегий решения проблем;
- решить проблему оказывалось выгоднее, чем ее не решать, и сновидец делал это более активно, редко избегая принятия решения;
- диапазон решения проблем был шире, чем в ранних сновидениях.

Методом контент-анализа мы обнаружили у успешных пациентов меньше озабоченности их основной психопатологической симптоматикой. В поздних сновидениях содержание было более личным, с большим разнообразием представленных действий. Кроме того, интерпретации сновидений пациентами были более ориентированы на диалог, более убедительны и в большей степени были направлены на понимание бессознательного смысла сновидения. Ассоциации были более

ограничены на ранних и более разнообразны на поздних сеансах. Это служит указанием на увеличение объема внимания у успешных пациентов.

2. КАЛЬВИН: изменения Сверх-Я и внутренних ценностей

Судьи отметили значительные изменения внутренних ценностей успешных пациентов. Их критические суждения стали более зрелыми, более мягкими, гибкими, более реалистичными и оптимистичными, оставаясь однако совместимыми с теми же внутренними этическими ценностями, которые отмечались в начале анализа. Сюда включены как оценки пациентами самих себя, так и того, как оценивают пациентов значимые для них лица. Контент-анализ подтвердил высказанное судьями.

3. МАКИАВЕЛЛИ: изменение стратегий решения проблем в сновидениях

Судьи отметили, что у успешных пациентов возросла способность интерпретировать свои сны. На поздних сеансах они выявили больше стратегий интерпретации сновидений, таких, как, например, работа с символикой снов, интеграция разных тем в сновидениях и ассоциациях, обдумывание противоречивой информации.

Так как свободные ассоциации являются существенной частью интерпретации сновидений, мы наметили пять направлений оценки используемых стратегий: количество (объем свободных ассоциаций), разнообразие (диапазон используемых стратегий), качество (полезность ассоциаций), интроспекция (способность размышлять над интерпретациями) и бессилие (беспомощность перед задачей). По всем пяти направлениям выявлены различия между успешными, умеренно успешными и неуспешными пациентами.

4. ЦИЦЕРОН: изменения в речевом выражении

Мы обнаружили много изменений как при экспертной оценке, так и при контент-анализе речи пациентов. Вот три направления изменений: 1) речь стала более социально-коммуникативной и менее эгоцентричной; 2) аффекты стали в большей степени находить речевое выражение и стали менее изолированы; 3) на поздних сеансах словарь стал разнообразнее.

5. МАРКС: изменения в восприятии реальности и согласованности с ней

В этих функциях мы обнаружили меньше изменений, чем ожидали. Заметными были лишь изменения в описаниях пациентами САМИХ СЕБЯ. Четверо «очень» и «умеренно» успешных пациентов стали описывать себя более реалистично и менее противоречиво на поздних сеансах. К концу лечения два успешных пациента стали еще и более «эмпатичны» в самоописаниях.

6. ФРЕЙД: изменения способности к интроспекции

Здесь различие клинических результатов наблюдалось очень явно. Судьи обнаружили, что у очень успешных пациентов способность к

интроспекции возросла больше всего. Кроме того, их самонаблюдение было «продуктивным» (сложным, глубоким и сильнее переживаемым), а не «интеллектуализированным» и «рационализированным», и вело к новым инсайтам и тщательной проработке конфликтов. Судьи также отметили большее количество «хороших» аналитических сеансов в конечных фазах успешных анализов. Несколько раз успешные пациенты даже оказались способны к рефлексии над собственными стратегиями интерпретации сновидений. Наконец – хотя судьи и не обнаружили подтверждений нашей гипотезы о том, что описываемые способности связаны с явной идентификацией с аналитиком, к концу лечения аналитики и пациенты стали эмоционально «ближе» друг другу. Таким образом, мы сделали вывод, что способность к самонаблюдению у успешных пациентов стала меньше тормозиться и сделалась аналитически более продуктивной.

7. Изменение мотивации пациентов к пониманию сновидений

Судьи обнаружили возрастание мотивации к пониманию сновидений у одного из очень успешных пациентов (пац. 1) и у двух умеренно успешных пациентов (пац. 2 и пац. 3). Пациент 5 (второй очень успешный пациент) был уже и так высоко мотивирован к пониманию своих снов в начале анализа и продолжал в том же духе. У неуспешного пациента соответствующая мотивация не возросла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы представили краткий и схематичный обзор исследования, в задачи которого входила генерация и эмпирическая проверка гипотез относительно изменений когнитивных процессов решения задач у пяти пациентов, проходящих психоанализ. На этапе 1 были выдвинуты и на основе анализа дневника сновидений, который вел пациент-трансвестит во время своего психоанализа, эмпирически подтверждены некоторые гипотезы. На этапе 2 эти гипотезы проверялись далее с помощью дословных протоколов четырех других случаев психоанализа, хранящихся в Ульмском банке данных.

Пять случаев психоаналитического лечения были с соблюдением независимости и надежности оценены лечащим аналитиком и еще двумя независимыми аналитиками и подразделены на три категории успешности: «весьма успешные» (пациенты 1 и 5), «умеренно успешные» (пациенты 2 и 4) и «неуспешный» (пациент 3). Самым впечатляющим результатом исследования явилось то, что и оценки четырех судей по достаточно большому количеству теоретически ориентированных переменных, и данные компьютеризованного контент-анализа различались для всех трех категорий успешности психоанализа. Конечно, пять единичных случаев – это не очень большая эмпирическая база, но большое число показателей, по которым различаются три категории успешности, могут быть использованы в качестве специфических прогнозов при дальнейших исследованиях других случаев.

Методологическое использование нами модели искусственного интеллекта в качестве руководства для наших теоретически обоснованных оценок и компьютеризованного контент-анализа оказалось весьма плодотворным. Разнообразие и очевидная валидность многих наших результатов должны способствовать лучшему пониманию когнитивных изменений в результате психоанализа. Мы думаем, что применение такой модели в исследовании было оправданным и позволило найти более последовательные, точные, дифференцированные и практически ориентированные точки приложения для дальнейших эмпирических исследований, чем это возможно при использовании только лишь имеющихся психоаналитических теорий. Мы не заходим столь далеко, как некоторые исследователи, чтобы считать модели искусственного интеллекта базовой наукой для психоанализа, однако полагаем, что такой подход может оказаться полезным.

И наконец – содержательно – получены интересные данные о взаимодействии различных когнитивных модулей в ходе психоаналитического лечения. В частности, подтвердилась наша первая гипотеза о том, что на ранних стадиях психоанализа программы модуля КАЛЬВИН будут преобладать над программами модуля ФРЕЙД, т.е. интроспективные ассоциации пациентов будут тормозиться под воздействием ригидной запрещающей структуры Сверх-Я. В результате психоанализа критические суждения пациентов о себе и других стали более зрелыми, более мягкими, гибкими, реалистичными и оптимистичными, оставаясь, однако, совместимыми с теми же этическими ценностями, которые были присущи пациентам в начале аналитического лечения.

Перевод А.В.Казанской

ЛИТЕРАТУРА

Buhler K. (1934). Sprachtheorie. Jena.

Clippinger J. (1977). Meaning and discourse: a computer model of psychoanalytic speech and cognition. Johns Hopkins Univ. Press, Baltimore.

Leuzinger-Bohleber M. (1987). Veränderung kognitiver Prozesse in Psychoanalysen, vol.1. Eine hypothesengenerierende Einzelfallstudie. Springer, Berlin, Heidelberg, New York, Tokyo.

Pfeifer R., Leuzinger-Bohleber M. (1986). Applications of cognitive science methods to psychoanalysis: a case study and some theory. Int. Rev. Psychoanal. 13: 221-240.